

А.А. Чувакин

Творчество В.М. Шукшина в исследованиях филологов Алтайского государственного университета (1989-99 г.)

Непосредственным поводом для обращения филологов Алтайского государственного университета к творчеству В.М. Шукшина явилось поручение, данное вузу, – стать организатором Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной шестидесятилетию нашего великого земляка. Эта конференция – «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество» – прошла летом 1989 г. на базе университета. Ее участники в своем решении высказали пожелание, чтобы филологи университета взяли на себя работу по координации исследований творчества В.М. Шукшина.

Надо сказать, что филологи университета были уже подготовлены к выполнению такого рода обязанностей. Я имею в виду прежде всего большой опыт лингвистических исследований по региональной тематике, накопленный к тому времени школой профессора И.А. Воробьевой, а также отдельные разработки по творчеству Шукшина – диалектный и ономастический словари по прозе писателя, которые составлялись И.А. Воробьевой с учениками, публикации молодых литературоведов и дипломные сочинения выпускников по шукшинской тематике (И. Вебер, Н. Добрыниной, И. Короткова и др.).

В исследовательский коллектив, работавший в университете в 1989-99 г., вошли и литературоведы, и лингвисты филологического факультета университета, специалисты других факультетов, – объединенные в Центр научного изучения творчества В.М. Шукшина. Это, казалось бы, внешнее обстоятельство определило складывание филологического подхода к объекту, что выделяет специалистов-шукшиноведов равнинного Алтая среди коллег из других регионов и вузов. В данной статье будут показаны основные методологические и содержательные результаты, полученные коллективом в период своего существования (соответственно в первом и втором разделе), а также предварительные итоги работы над энциклопедическим словарем-справочником «Творчество В.М. Шукшина» (в третьем разделе статьи)¹.

I

До конца 80-х годов творчество Шукшина разными своими гранями проходило, в сущности, по различным «ведомствам» – прежде всего в критике, литературоведении и языкознании. Исследования 70-х годов носили преимущественно традиционный, проблемно-тематический характер, разрабатывали в основном социально-нравственные проблемы, сформулированные Л. Аннинским.

¹ В статье использован материал ряда отдельных и совместных с коллегами публикаций автора. В том числе: Отчет о научно-исследовательской работе «Жизнь и творчество В.М. Шукшина». Барнаул, 1993. № госрегистрации 01.9.10.040113, а также ряд публикаций [Чувакин, 1997; Кофанова, Кошей, Чувакин, 1998].

В языке писателя подвергалась анализу и осмыслению разговорная речь в качестве его стилистической базы (с господством диалога). Место и роль литературного творчества Шукшина определялась в рядах то деревенщиков, то самодельных художников, то доморощенных философов и пр. 80-ые годы выдвинули в центр шукшинское слово как несущую опору поэтики писателя. Творчество Шукшина стало включаться в исторический контекст. Это создало предпосылки для глубокого изучения Шукшина как философа.

Подход к исследованию творчества Шукшина, сложившийся в первой половине 90-х годов в Алтайском государственном университете, является комплексным, филологическим. Складывание этого подхода определяется рядом и внутренних факторов. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего это оценка феномена творчества Шукшина как имеющего значимость не только для истории отечественной литературы и культуры, но и литературы и культуры мировой. Своей гуманистической направленностью к постановке вечных общечеловеческих вопросов бытия оно оказалось созвучно сегодняшним духовным исканиям. Вопрос, поставленный писателем более двадцати лет назад: не утрачиваем ли мы своей духовности? – со всей определенностью и остротой задается нашим временем. Особое значение приобретает творчество Шукшина в контексте современных проблем развития самосознания нации, поиска путей национального возрождения и обновления России. Недаром, оценивая идеологическую позицию Шукшина, Н. Елисеев, имея в виду Шукшина и Трифонова, отметил, что они «остановились на той черте, что отделяет *честного* советского писателя от писателя *антисоветского*» [Елисеев, 1998, с. 191]. Шукшин, соединивший в себе «несколько могучих самобытных дарований» [Толченова, 1982], широко актуализировал в своем творчестве новые художественные тенденции. Его творчество наиболее точно и емко воспроизвело момент идейно-художественного преобразования отечественной культуры 1950-1970-х гг., преобразования, развивающегося и в наше время. Все это способствовало преодолению творчеством Шукшина языковых и иных барьеров на пути к зарубежному читателю, для которого оно является одним из источников проникновения в тайны русской души.

Сказанное во многом объясняет неослабевающий интерес к творчеству Шукшина как со стороны исследователей разных специальностей, так и «просто» читателей в России и зарубежье, вызывает феномен перечитываемости и переинтерпретаций его произведений.

Последняя четверть XX века – это время, когда в филологии, сохраняющей в качестве своей исходной реальности «текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей» [Аверинцев, 1990, с. 544], происходит смена угла зрения на текст. В основе этого процесса лежит одна из самых сильных связей текста – связь с коммуникативной деятельностью *homo loquens* как двуединством Говорящий-Слушающий. Появляется феномен, квалифицированный П. Рикером как конфликт интерпретаций, обогащение филологического инструментария за счет теоретико-деятельностного, антропологического, семиотического, герменевтического, риторического инструментариев. Сам *homo loquens* осознается как все более сложное, многофункциональное, внутренне противоречивое единство, не только производитель текстов, но и их потребитель, отличающийся стремлением к пониманию «чужих» смыслов и сокрытию «своих». Все это создает предпосылки для исследования текстов в процессе их жизнедеятельности, предстающими как текучие, бесконечные, неисчерпаемые [Чувакин, 1999 г].

Базирующийся на этой основе филологический подход к творчеству Шукшина выдвигает в центр исследования тексты творчества писателя в их отношении к двуединству Говорящий-Слушающий. Автор как Говорящий здесь оказывается значимым во всем богатстве проявлений его творческой личности: рациональным-

иррациональным, сознательным – бессознательным, созидательным – разрушающим, целесообразным – волевым, логическим – эмоциональным и др. Личность Шукшина, по мнению С.П. Залыгина, – это «слиянность самых разных качеств и дарований не только в целое, но и в нечто очень определенное, вполне законченное. <...> Мы видим щедрый дар природы и необыкновенную личность личностью, а не набором качеств и способностей, видим, что эта личность меньше всего заботилась о себе, о том, чтобы проводить в себе самой грани: вот я – актер, а вот я – писатель, я – режиссер, я – сценарист» [Залыгин, 1989, с. 11]. В позиции Слушающего в нашем случае находится филолог-исследователь (филологически образованный читатель). Такая постановка вытекает, например, из толкования филологии как искусства чтения, а филолога как мастера чтения [Винокур, 1981, с. 39]. «Филолог не "буквоед" и не "гробокопатель", а просто – лучший и из читателей: лучший комментатор и критик» [Винокур, 1925, с. 215]. Такое понимание Слушающего во многом объясняет различия в осмыслении и истолковании творчества Говорящего или отдельных его текстов и, самое главное, «узаконивает» различия интерпретаций и их многообразие. К текстам творчества Шукшина – текстам *мастера*, при рассмотрении с позиций филологического подхода, могут быть приложимы оценки как действительных генераторов смыслов [Лотман, 1986, с. 105], потенциала смысловой бесконечности [Гаспаров, 1996, с. 346]. Представляется филологически мотивированной трактовка их, как и творчества Шукшина в целом, не как носителей совокупности готовых ответов на вечные вопросы человеческого бытия, а как *поиска ответов* на подобные вопросы, а иногда и *поиска* самих *вопросов*. Так переносится акцент с вопроса «что хотел сказать автор?» (каков авторский замысел?) на вопрос «что сказал автор?» (каков смысл текста /творчества/, усмотренный читателем?). Смыслы текстов творчества Шукшина *ad hoc* – это смыслы, которые *могут быть* усмотрены глазами филологически образованного читателя в конце XX века и которые вполне могут отличаться от смыслов, усмотренных другими читателями нашего и тем более другого времени. (От факта различий в среде филологически образованных читателей мы здесь, по причине его очевидности, отвлекаемся.) Кажется, и сам Шукшин предусматривал возможность разных истолкований его произведений: «Ведь нельзя, наверное, писать, если не иметь в виду, что читатель сам "досочинит" многое». Он выдвигал критерий «неодноразового прочтения» в качестве критерия «настоящей литературы» [Шукшин, 1991, с. 450].

Филологический подход предполагает движение исследования от частного – только литературоведческого или только лингвистического – к целостному. Это целостное появляется на основе координации усилий и результатов научного анализа в рамках различных дисциплин (не только собственно филологических) и методик, корректировки и интеграции этих результатов на принципах взаимодополнения, взаимообогащения, взаиморазвития.

Основанием комплексного, филологического подхода к исследованию творчества Шукшина выступает представление о целостности объекта – творчества или отдельного произведения.

Проблема целостности творчества Шукшина была поставлена Л.А. Аннинским, который в 1977 году писал: «Тянет писать о том, что Шукшиным завещано, каково его место в нашем теперешнем раздумье о себе, каково его *целостное наследие*» [Аннинский, 1978, с. 229]. Осмысливая творчество Шукшина, он утверждает, что «путь Шукшина – это именно попытка понять душу искаженную, пробудить добро в злом, понять неправого» [Там же, с. 267]. Отталкиваясь от основных положений Л. Аннинского, В.Ф. Горн сделал первый шаг к объемному исследованию прозы Шукшина и сделал вывод о том, что созданный Шукшиным «собственный "материк" представляет собой *развертывающуюся динамическую целостность*», единство которой обусловлено его «неповторимо

цельной личностью» [Горн, 1981, с. 219, 9]. Описавшая монографически художественную целостность творчества Шукшина Е.В. Кофанова рассматривает его (творчество) как органически целостную художественную систему, сосредоточивая главное внимание на выявлении характера структурных взаимосвязей произведений писателя на уровне сюжетных ситуаций, проблематики, персонажной сферы [Кофанова, 1997].

В нашем случае акцент делается на понимании творчества Шукшина как *функционирующей* целостности. Понятие функционирования обычно связывается с понятием функции, которое может быть углублено на основе понятия «жизнедеятельность творчества». Это позволяет сопрячь в представлении самое деятельность и тексты деятельности. Здесь обращает на себя внимание следующее. Жизнедеятельность связывается прежде всего с сохранением результатов творчества и объективированных в изданиях сочинений Шукшина на языке оригинала, и в зафиксированных на киноленте его режиссерских и актерских работах, и в воплощенных в традициях шукшинской литературы и публицистики, кинематографа и театра, в деятельности коллег Шукшина по профессиональному цеху, и, во-вторых, с преобразованием текстов творчества Шукшина, или первичных текстов, во вторичные: тексты переводов на другие языки, театральных и радиотеатральных постановок и кинофильмов, произведений художественного слова, тексты читательских, зрительских и слушательских интерпретаций, молвы, тексты исследований и интерпретаций.

Жизнедеятельность означает, далее, что творчество Шукшина испытывает воздействие творчества субъектов культуры прошлого и современников (например, Достоевского, Чехова, Успенского, Ромма и др.) и само воздействует на ценностные ориентации субъектов гуманитарной деятельности и профессионалов: писателей, актеров, режиссеров, педагогов и непрофессионалов: почитателей и читателей, зрителей, слушателей.

Творчество Шукшина живет в культуре, отечественной (общероссийской и региональной) и мировой – в той мере, в какой оно стало ее фактом. В системе культуры существенны прежде всего литературный, кино-, театральный и языковой процессы как ее сферы, а также процессы научный, образовательный, просветительский и др. Творчество Шукшина вошло в духовную жизнь человека, где оно функционирует как факт ментальной культуры. Жизнь творчества Шукшина в культуре, как и жизнь творчества всякого большого художника, проявляется в трех главных моментах: интерпретации, креации и трансляции. Интерпретация как способ реализации понимания и креация как способ объективации результатов интерпретации предполагают создание на основе текстов творчества (первичных текстов) текстов-интерпретаций (вторичных текстов), которые поступают в распоряжение культуры и функционируют в ней (трансляция). Общая задача этих моментов может быть определена на основе замечания П. Рикера об интерпретации: «...сама работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел – преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель» [Рикер, 1995, с. 4]. Это замечание справедливо по отношению не только к читателю, но и к другим субъектам культуры.

В процессе жизнедеятельности творчества Шукшина в культуре меняется и культура, и само творчество. «Время меняет тексты» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 14]. Добавим к этому, что и место меняет тексты. Ср., например, различия в осмыслениях текстов творчества Шукшина в переводах на иностран-

ные языки, на языки народов СССР и РФ¹, при переходе субъекта культуры из одной среды в другую². Тем более что пространство и время – главные характеристики ситуации культуры как деятельности. Так, начальный этап осмысления творчества Шукшина в нашей стране совпал со временем, когда в философской и методологической литературе господствовало представление о том, что целостность не создается человеком в процессе познания, а лишь воспроизводится в форме чувственных образов, поэтому ставилась задача осмыслить объективное целое; когда герменевтика и семиотика еще не создали базы для гуманитарных, филологических в том числе, исследований; когда истолкования текста сводилось к поиску и описанию авторского смысла, содержащегося в тексте и могущего быть реконструированным вне учета роли истолкователя. Вместе с тем вряд ли с позиций сегодняшнего дня можно признать, что творчество Шукшина – это только творчество, взятое в его функционировании в культуре 80-90-х годов, равно как и только в культуре 60-70-х годов. Творчество Шукшина – это самая творческая деятельность и вся совокупность текстов творчества в соотношении со всей совокупностью вторичных текстов в его динамике. Таким образом, картина творчества Шукшина как функционирующей целостности исторически изменчива. В соответствии со сказанным, например, представление о творчестве Шукшина как художественной целостности создают и версия Л.А. Аннинского, и версия В.Ф. Горна, и версия Е.В. Кофановой, взятые в их противоречивом отношении друг к другу и к творчеству Шукшина как объекту. В пользу нашего вывода говорят и такие фундаментальные особенности творчества Шукшина, как незавершенность [Горн, 1981], сложность [Горышкин, 1984], неоднозначность [Козлова, 1992].

Итак, мы утверждаем, что целостность творчества Шукшина как функционирующая целостность задается его (творчества) функционированием в культуре. Это понимание целостности определяется не столько нашими желаниями, сколько логикой бытия творчества Шукшина в культуре, и имеет опору в теоретических и эмпирических исследованиях творчества Шукшина. Оно выступает базой его научного изучения и предопределило многие решения, принятые исследовательским коллективом, полученные результаты, а также и постановку задачи подготовки энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» и прогнозируемый его общий облик.

II

Основные результаты исследования, осуществленного в Алтайском государственном университете в 1989-99 г., представлены на пяти проведенных университетом (совместно с рядом других организаций – в том числе Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН и другими) научно-практических конференциях «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество» (с изданием сборников тезисов [В.М. Шукшин: Жизнь и творчество, 1989; 1992; 1994; 1997; Провинциальная экзистенция, 1999]), в индивидуальных и коллективных монографиях³, в сборниках научных статей, изданных университетом или при его участии⁴, в докторской и

¹ См. об этом, например, [В.М. Шукшин: Жизнь и творчество, 1989; 1994; Гивенс, 1994].

² См., например, [Вертлиб, 1990].

³ См. [Козлова, 1992; Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов, 1997; Рассказ В.М. Шукшина «Срезал»: проблемы анализа, интерпретации, перевода, 1995; Чувакин, 1995 (Гл. 4); Халина, 1997; Куляпин, Левашова, 1998].

⁴ См. [Творчество В.М. Шукшина. Проблемы. Поэтика. Стил, 1991; Язык и стиль прозы В.М. Шукшина, 1991; В.М. Шукшин – философ, историк, художник, 1992; Творче-

кандидатских диссертациях [Чувакин, 1996; Старолетов, 1997; Качесова, 1998; Пешкова, 1999; Тевс, 1999], в книгах предварительных материалов подготавливаемого энциклопедического издания¹, а также в иных публикациях.

Покажу ниже основные содержательные результаты исследований, сосредоточив главное внимание на обобщении информации, полученной разными авторами при изучении текстов творчества Шукшина на разных их уровнях – языковом, поэтическом, смысловом.

Исследование *языкового* уровня текстов Шукшина имеет два главных объекта: лексику и художественно-речевую структуру текстов прозы писателя.

Выделение лексики в качестве одного из объектов во многом определяется ее спецификой и значимостью как элемента языка Шукшина в целом. И.А. Воробьевой выдвинута идея создания полного словаря языка Шукшина и разработаны его принципы, важнейшими из которых являются: 1) словарь должен быть исчерпывающим (включающим все слова, имеющие место в произведениях писателя); 2) дефиниции слов даются исходя из контекстов употребления слова с опорой на Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, но особо подчеркивается семантическое наращение в слове, присутствующее в прозе писателя; 3) в словарную статью вводятся грамматические и стилистические пометы; 4) в словаре помещается и фразеологический фонд языка Шукшина; и др. [Воробьева, 1993]. К сожалению, безвременная кончина ученого прервала работу над проектом. Сформулированные принципы словаря оказались частично реализованными в двух специальных словарях: диалектном и ономастическом. Словник диалектного словаря по произведениям Шукшина (фрагменты словаря подготовлены к печати А.В. Морозовым [Воробьева, 1997 а]) содержит в себе около 1000 слов. Их большая часть известна диалектологам, что установлено по сибирским диалектным словарям, диалектному словарю Алтая или по словарю В.И. Даля. Часть же слов оказалась не зафиксирована диалектологами (речь идет о производных словах). Это либо известные Шукшину слова, функционирующие в диалектном языке, либо слова, образованные им по моделям диалектного словообразования. В словник ономастического словаря входит более 1400 слов [Воробьева, 1989] – имена героев и персонажей произведений, прозвища, клички животных, географические названия, имена исторических лиц и др.

Лексикографическое представление языка Шукшина, судя по публикациям И.А. Воробьевой², не только самоценно, но и выступает одним из элементов описания языка писателя. «Полная» цепочка такого описания такова: от текста произведения к словарю и от него вновь к тексту. Реализация этого принципа исследования³ позволяет зафиксировать всю ономастическую и диалектную лексику, встречающуюся в произведениях Шукшина, систематизировать ее в лексикографическом описании и далее – пронаблюдать и оценить ее работу в текстах как целом. Приведем одну иллюстрацию. По данным И.А. Воробьевой, в ономастике Шукшина наиболее частотны русские канонические имена (Николай – 56, Иван – 52, Василий – 27, Михаил – 26 и др.), что связывается с их повторяемостью в реальной жизни в южносибирской деревне, с характером шукшинских героев: «ни

ство В.М. Шукшина. Поэтика. Стил. Язык, 1994; Творчество В.М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стил, 1997; Творчество В.М. Шукшина как целостность, 1998].

¹ См. [Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Проспект, 1995; Энциклопедический словарь-справочник «Творчество В.М. Шукшина»: Подготовительные материалы, 1996; Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника, 1997; Творчество В.М. Шукшина в современном мире: Эстетика. Диалог культур. Поэтика. Интерпретация, 1999].

² См., например, [Воробьева, 1991; 1994; 1997 б].

³ См. об этом [Язык В.М. Шукшина в наследии профессора И.А. Воробьевой, 1998].

один из резко отрицательных героев не назван частотным каноническим именем» [Воробьева, 1991].

Исследование художественно-речевой структуры прозы Шукшина своим главным результатом имеет раскрытие важнейших принципов соотношения «авторского» (т. е. повествователя, рассказчика) и персонажного речевых слоев; композиционно-речевых структур (монолог, диалог, внутренней речи, несобственно-прямой речи); воспроизводимых в прозе писателя разных типов, видов, форм речи, разных стилей, использованных изобразительно-выразительных средств и приемов¹. Проза Шукшина отличается диалогичностью, которая пронизывает и цементирует все уровни, стороны, грани художественно-речевой структуры: от господствующего в соотношении с «авторским» речевого слоя персонажа через преобладание диалога в системе композиционно-речевых форм к динамическому «скольжению» слов и образов по грани разных сфер «чужой речи» (отмеченному В.В. Виноградовым еще в прозе А.С. Пушкина [Виноградов, 1941]), обеспечиваемому художественно-эстетическими приемами диалогического спектра. Тем самым Шукшин предстает «в постоянном поиске диалога» (У. Казираги) во имя рассмотрения смятения души и поиска выхода из этих смятений, этих сомнений [Шукшин, 1991, с. 441-452].

Ведущее место диалога в системе композиционно-речевых форм во многом детерминировано характерными для прозы Шукшина ситуациями «сшибки» духовно-нравственных позиций и, в свою очередь, обуславливает приближение эпической прозы к кино- и театральной прозе, делает шукшинский текст лаконичным и плотным, выступает своего рода «движителем» схождения композиционно-речевых форм в несобственно-прямую речь, сопрягаемого с двумя типами ситуаций: *душа болит* и *на душе легко*, чаще первым («Жена мужа в Париж провожала», «Думы», «Охота жить», «Любавины» и др.).

Анализ сплошного массива шукшинских текстов показал, что, вопреки распространенному мнению, речевая ткань прозы писателя организована средствами, восходящими к различным источникам – устно-разговорной стихии, книжным сферам (в том числе деловым, публицистическим, научным), письменной и песенной речи, фольклорному языку и языку художественной литературы и многим другим. Использование этих источников происходит путем цитации с одновременным преобразованием «исходного» материала, которое не только затрагивает его формально-семантическую сторону, но имеет и функциональную – художественно-эстетическую значимость. Особое значение в системе приемов преобразования принадлежит приемам диалогического спектра – в том числе: собственно диалогу, диалогизации, цитированию, парцелляции, параллелизму, соположению элементов и др. Результатом этого чередования является целое, которое квалифицируется в терминах сложной эвокационной структуры (А.А. Чувакин), коллажности (Н.Д. Голев), интертекстуальности (С.М. Козлова), характеризуется полистилизмом, полифоничностью, косвенным выражением авторской позиции и т.п.

Исследование языкового уровня прозы Шукшина создало базу для следующей оценки идиостиля Шукшина: «Доминантной содержательной чертой идиостиля Шукшина стала дискредитация "авторского отношения" как "авторитетной точки зрения". Это повлекло за собой отрицание стиля, организованного "видением", которое полностью замещается в эстетической программе Шукшина "речевой действительностью"...» [Пищальникова, 1997, с. 5-6], для многоаспектного исследования образа автора в аспекте его речевой структуры (А.А. Чувакин, М.Г. Старолетов, Н.А. Волкова и др.).

¹ См., например, [Чувакин, 1995; Чувакин, Дмитриева, Кайзер, Свиридова, 1997; Чувакин, 1999 а; 1999 в].

Поэтический уровень текстов творчества Шукшина рассмотрен преимущественно в двух аспектах. Их можно назвать интратекстуальным и интертекстуальным.

Первый аспект находится в центре работ С.М. Козловой¹. Исследователем установлено, что хотя проблемы поэтики излагаются Шукшиным в статьях, интервью, рабочих записях традиционно, в аристотелевском духе, движение традиции осуществляется им как «доведение до предела», за которым традиция трансформируется в новую форму: не «реализм», не «натурализм», а «пересадка жизни». Это определяет шукшинскую концепцию слова и слово как феномен текста, метод микроанализа как способ формирования стиля на всех его уровнях, начиная от микроскопии слова и кончая микроскопией сюжета, развитие взглядов писателя на сюжет, реализуемое им стремление «взять человека в целом», понять, «по каким внутренним законам образуется личность» [Шукшин, 1981, с. 199]. Именно названные вопросы и составляют главные точки осмысления в концепции поэтики прозы Шукшина, разработанной С.М. Козловой. В работах автора постоянно проводится мысль о том, что «особая художественная текстура произведений Шукшина требует *металингвистического* (курсив мой. – А.Ч.) изучения» [Козлова, 1992, с. 10]. Потому столь пристальное внимание обращается на шукшинскую концепцию слова. «...любой текст может сказать только правду о том, что хотел сказать правду; сказать то, что "хотел сказать", невозможно. Из чего может быть один вывод: если нельзя узнать, "что хотел сказать автор", судя по тому, что он сказал, то можно приблизиться к автору, судя по тому, как он сказал. Это требует нового искусства прозы, а новая проза требует нового читателя, диалогически воспитанного.

<...> Художественная задача Шукшина состояла не только в "пересадке", натурализации и диалогизации обработанных и затвердевших форм жизни, но и в разведке еще живых ее источников. Так, поэтическая "обработка" языка у Шукшина заключалась в том, чтобы "вытащить" из буквы, трижды затвердевшей в информационных клише, в литературной риторике, естественный голос человека» [Козлова, 1997 а, с. 36-37]. Эта обработка вела писателя от бессюжетного повествования к сюжетной микроскопии и от нее (в рассказах) к борьбе с сюжетом, к смене фокуса изображения (от повествования «без автора» к форме «Ich – Erzählung»), от поэтики положений и состояний (в рассказах первого сборника) к показу судьбы «целиком от начала и до конца» через изображение «странного человека» – чудака, непутевого, озорника, одним словом, «не посаженного на науку поведения». Исследуя рассказы, С.М. Козлова отмечает ряд особенностей их поэтики, из которых укажем диалектичность как принцип поэтики и вполне сознательную заботу о «точке зрения». В этом состоит один из источников трудности произведений писателя для интерпретации. Это положение глубоко и всесторонне иллюстрируется в монографии о поэтике рассказов Шукшина анализом рассказа «Воскресная тоска» [Козлова, 1992, с. 41, 48, 49].

С данными выводами органично сочетаются материалы по исследованию символики в художественном мире Шукшина, приводимые А.И. Куляпиным² и его учениками³. По наблюдению А.И. Куляпина, если более активное использование устойчивых символов и мотивов в прозе Шукшина начинается с середины 60-х годов и в это же время определяется тяга писателя к национально-символическим образам, то лишь к концу 60-х – началу 70-х годов одним из центральных в произведениях писателя становится образ России.

¹ См., например, [Козлова, 1992; 1997 а; 1997 б; Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999, с. 77-85 и др.].

² См., например, [Куляпин, 1999].

³ См., например, [Куляпин, Тевс, 1998; Скубач, 1998; Тевс, 1999].

Интересно выдвинутое исследователем положение о том, что «шукшинские герои живут не столько в мире символов, сколько в мире симулякров – "знаков без отношения к референту" (Бодрийяр)» [Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999, с. 166]. Теоретическое и практическое значение имеет подготавливаемый А.И. Куляпиным словарь символов, мотивов, образов по произведениям Шукшина¹.

Второй аспект, интертекстуальный, базируется на признании того, что произведения Шукшина – «это всегда структура открытая. Писатель может одновременно ориентироваться на самые разные культурно-исторические традиции, несводимые воедино» [Куляпин, Левашова, 1998, с. 5]. На большом фактическом материале О.Г. Левашова и А.И. Куляпин показывают культурно-историческое окружение, с которым взаимодействуют тексты Шукшина, и приемы этого взаимодействия. Исследователи исходят из того, что цитата, как категория интертекста, есть не просто воспроизведение какого-либо элемента чужого текста, это «фрагмент текста, нарушающий линейное развитие» [Ямпольский, 1993, с. 60]. Это позволяет установить систему приемов «интертекстуального цитатного диалога» с чужими текстами. В их числе прямая отсылка к тому или иному источнику, отсылка к «ложной цитате», использование сюжетно-композиционных схем и др. В прозе писателя доминирует «нормальный» тип интертекста, при котором «цитируется, более или менее явно, кусок текста» [Куляпин, Левашова, 1998, с. 9]. В публикациях авторов основное внимание сосредоточено на отношении текстов прозы Шукшина и русской классической литературы².

Так, рассматривая отношение творчества Шукшина и Лескова, О.Г. Левашова и А.И. Куляпин отмечают, что «нет... другого такого писателя-классика, с творчеством которого шукшинский текст обнаруживал бы такие устойчивые и глубинные связи», и объясняют этот факт тем прежде всего, что «обоих писателей роднит знание народа: оба вышли из гуши народной жизни, "знали народ с детства без всяких натуг и стараний" (Лесков)» [Там же, с. 57]. Эти связи проявляются и в интересе обоих писателей к крайним анекдотическим жизненным ситуациям, в их приверженности к выбору острых сюжетных решений, в усвоении Шукшиным лесковской манеры письма (подчеркнутая «нелитературность», интерес к несюжетному повествованию, установка на устную речь и т.п.) и др. Но самое главное – это преимущественный интерес обоих писателей к человеку в его национальной ипостаси. Поэтому и главный аспект сопоставления их творчества – характер. Тем более что как для Лескова, так и для Шукшина «сюжет – это характер», а главное внимание в человеке должно быть сосредоточено на проблеме прекрасного.

Исследование *смыслового* уровня творчества Шукшина включает разработку художественных и философских смыслов творчества (отдельных текстов). Безусловно, исследование языкового и поэтического уровней имеет своей важнейшей задачей определить их «вклад» в смысловое богатство отдельных произведений писателя и всего его творчества³. Но особую значимость в этом процессе имеет

¹ Фрагменты словаря опубликованы в следующих изданиях: [Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника, 1997; Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999].

² См., например, [Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника, 1997; Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999; Куляпин, Левашова, 1998].

³ См., например, публикации, приведенные в прим. 1 на с. 16, 2 на с. 17, 1 на с. 18, 2-4 на с. 19, труды И.А. Воробьевой [1989; 1991; 1993; 1997 а, а также приведенные в прим. 4 на с. 16], а также следующие исследования и сборники: [Куляпин, 1999; Пищальникова, 1997; Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов, 1997; Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999].

интерпретация текстов произведений как целых.

Обратимся к художественным смыслам. В публикациях С.М. Козловой, В.В. Десятова, А.И. Куляпина, О.Г. Левашовой и др., содержащих интерпретации произведений писателя, обнаружены и истолкованы художественные смыслы с опорой на отдельные, наиболее значимые в механизме смыслопорождения элементы структуры текстов. В их число входят следующие (приведу некоторые иллюстрации):

1) Сюжетная ситуация в ее развитии. Так, в рассказе «Ноль-ноль целых» за частным случаем столкновения совхозного шофера и бюрократа встает социально-исторический и философский сюжет. Он «дешифруется» через определенный узнаваемый смысловой и цифровой ряд: «...ямы под опоры пойду рыть. На тридцать седьмом километре», «законник», «расписка» [Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника, 1997, с. 84-85].

2) Характеры персонажей. В рассказе «Беседы при ясной луне» концептуальным центром является характер главного героя – старика Баева, утратившего и чувство национальной принадлежности, и социальную почву, реализующего негативный вариант «омоносовского мифа» [Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999, с. 281-283].

3) Композиция произведения. Трехчастная композиция рассказа «Боря»: первая часть содержит историю Бори и «философствование», вторая – «эксперимент», наблюдение повествователя за Борей, героем третьей части становится «некий псих с длинными руками, узколобый», «блатной» парень, обидевший Борю, – служит не столько решению и утверждению какой-либо концепции, сколько постановке вопросов, трагически неразрешимых [Там же, с. 288-290].

4) Время и пространство произведения. Рассматривая ситуацию, в которой Чередниченко отправляется к Еве и затем возвращается от нее, А.И. Куляпин замечает: «У Шукшина пространственные перемещения героя почти всегда символически соотнесены с его внутренними, духовными исканиями» [Там же, с. 269].

5) Речевые элементы текста. Так, усматривается смысловая многослойность имен главных героев рассказа «Страдания молодого Ваганова» Майи, Ваганова и Попова [Там же, с. 284-286]. Особенно важны в произведениях Шукшина текстовые реминисценции, интертекстуальные связи, аллюзии, переключки и т.п. формы, виды и способы межтекстовых отношений текстов писателя с текстами собственными и других авторов. Например, интертекстуальные связи рассказа «Жена мужа в Париж провожала», по мнению С.М. Козловой, наряду с другими элементами текста рассказа как системы, служат важнейшим аргументом в пользу толкования рассказа как трагической версии радикальной критики Шукшиным советской «системы» [Там же, с. 272-274].

Вместе с тем в публикациях В.А. Чесноковой¹ подчеркивается, что для иноязычного (и особенно иностранного) читателя особой смысловой значимостью обладают некоторые специфические текстовые элементы. В их числе видное место занимает безэквивалентная лексика.

Примером целостной интерпретации одного текста писателя служит коллективная монография «Рассказ В.М. Шукшина "Срезал": проблемы анализа, интерпретации, перевода» [1995] – единственное монографическое сочинение в шукшиноведении (да, пожалуй, и не только!), посвященное одному рассказу (правда, сочинение это, к сожалению, не имеет обобщающего раздела).

Что касается философских смыслов творчества Шукшина, то рассматривающая эту проблематику Л.А. Кощей² исходит из убеждения, что «понимание твор-

¹ См., например, [Чеснокова, 1991; 1997; 1999].

² См., например, [Кощей, 1992; Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999, с. 35-44].

чества Шукшина еще не вышло из этапа интерпретации и реинтерпретации смыслов и значений его текстов» [Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999, с. 40]. По мнению исследователя, Шукшин, как правило, не дает ответов на вопросы, которые он ставит, и в то же время ответы есть. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что все, принимающие творчество Шукшина, говорят о свете доброты, человечности, который исходит от его произведений; значит, в его творчестве они находят ответы для себя. Многогранно и в различной форме Шукшин решает два крупнейших вопроса социального бытия: «что есть нравственность?» и «что с нами происходит?», предлагает разные варианты ответов на них, и это свидетельствует о том, что мировоззренческие позиции писателя не устоялись, но основные максимы мировоззрения все же выбраны; это – человек, добро, красота, правда. Выбраны и основные объекты ценностных ориентаций (дом, Родина, любовь, душа, свобода, красота, человек, добро). Особое отношение у Шукшина к знанию: «Все герои наделаны тягой к знанию; эта тяга порой оборачивалась какими-то нелепыми сторонами, скорее, "мукой знания", чем "знанием-силой"; эта тяга – скорее тоска по знанию, желание знания; отсюда – тоска и напряжение сознания героев Шукшина, индивидуальный поиск, способность видеть мир и человека не так, как все» [Там же, с. 36]. Содержание философских смыслов творчества Шукшина, разительно отличается от официальной философии того времени [Там же, с. 39]: «жизненный мир» Шукшина – это опыт его народа, естественно включающий всю «народную» культуру, философию, религию, знание бытия мира, бытия социалистического общества. Оценивая обобщенный смысл творчества Шукшина, Л.А. Кошей констатирует следующее: «Творчество писателя – зеркало его сознания, и оно свидетельствует о трагичности его бытия и сознания, о трагичности его мировоззренческой позиции; это позиция между прошлым и будущим (А. Корнешов); между добром и злом, между знанием и невежеством, между культурой и бескультурьем, между ясным осознанием, что нужно делать, и невозможностью успеть все сделать» [Там же, с. 40].

III

Со 2-ой половины 1990-х г. в Алтайском государственном университете шла работа по созданию энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина». К началу 2000 года в основном завершена авторская работа над рукописью труда и сделан ряд теоретических и предварительных публикаций¹.

Идея словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» была сформулирована в докладе автора настоящей статьи при подведении итогов III Всероссийской научно-практической конференции «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество» на заседании регионального Шукшинского семинара (Барнаул, Алтайский государственный университет, ноябрь 1994 года). Эта идея была с удовлетворением поддержана участниками семинара, научной общественностью, а ее реализация объединила исследователей-гуманитариев, работающих в университете, в других вузах и научно-исследовательских учреждениях России и зарубежья, в том числе – в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В 1996-1998 гг. проект² имел финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор А.А. Чувакин).

¹ См. публикации, указанные в прим. 3 на с. 16, а также [Чувакин, 1997; 1998; 1999 б; Творчество В.М. Шукшина в современном мире, 1999].

² Проект № 96-04-06090 «Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник».

При работе над словарем-справочником пришлось решать не только конкретные шукшиноведческие задачи, но и задачи теоретического характера. Далее приведу ряд принятых составителями решений по ключевым для труда вопросам.

Если различать объект и предмет энциклопедического описания, то можно утверждать, что объектом энциклопедического словаря-справочника является творчество В.М. Шукшина, а предметом – литературно-художественное творчество, тексты которого зафиксированы в наиболее авторитетном, при отсутствии академического собрания сочинений Шукшина, издании, – под редакцией В.Ф. Горна¹. Что касается публицистики, кинематографа и театра Шукшина, то эти стороны его творчества присутствуют лишь в их отношении к творчеству литературно-художественному. Такое решение объясняется и степенью изученности разных сторон творчества Шукшина – писателя, публициста, актера и режиссера, и фактом доступности результатов названных граней творчества, значимостью литературно-художественного творчества Шукшина как компонента его творчества в целом, а также, не буду скрывать, и научными интересами и возможностями исследовательского коллектива. Вместе с тем в словарь-справочник важно поместить информацию о филологическом шукшиноведении.

Такого рода издание рассчитано прежде всего на гуманитарно образованных читателей – преподавателей-филологов высшей и средней школы разных уровней и типов, научных работников, студентов и учащихся старших классов, работников культуры, журналистов и др. Издание может быть полезно также любому отечественному и зарубежному читателю, интересующемуся творчеством Шукшина.

Основное содержание словаря-справочника составят словарные статьи, которые тематически объединены в три блока.

Первый блок составят статьи, содержащие описание всех опубликованных литературно-художественных произведений Шукшина. В этих статьях читатель найдет сведения о жанре, истории написания и прижизненных публикациях, проблематике, художественном мире произведения, а также оценку критики и исследовательскую историю произведения. Словник статей этого блока включает наименования всех опубликованных литературно-художественных произведений.

Во второй блок войдут статьи проблемно-аналитического характера, рассматривающие разные стороны литературно-художественного творчества Шукшина: проблематику и вопросы мировоззрения, поэтику, символы, мотивы и образы, язык, интертекст произведений писателя. Словарные статьи этого блока подразделяются на четыре группы. Приведу эти группы (перечни словарных статей даются в иллюстративных целях).

Мировоззрение В.М. Шукшина. Проблематика творчества (проблемы веры, духовности, искусства, мировоззрение, проблемы нравственности, творчества, философская позиция, проблемы человека).

Поэтика художественной прозы (проблемы творческого метода, поэтика, жанры прозы, сборники рассказов, театр, кинематограф, стиль, текст, художественный мир, трагическое, сатира, сюжет, характеры, пейзаж, публицистика).

Язык прозы (фонетический уровень, лексический уровень, диалектная лексика, имя персонажа, фразеология, синтаксис, диалог, несобственно-прямая речь, художественно-речевая структура проза. Художественно-речевая структура кинопрозы).

Художественная проза в интертекстуальном аспекте (В.Г. Белинский, А.М. Горький, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, Н.А. Некрасов, «Новый мир», А.С. Пушкин, А.И. Солженицын, Г.И. Успенский, Шукшин и древнерусская литература, М.А. Шолохов).

¹ См. [Шукшин, 1986; 1987; 1988; 1989; 1991].

В третий блок включаются статьи, представляющие шукшиноведение как формирующуюся отрасль филологии (издательская библиографическая, переводческая и научная история произведений Шукшина). В этот же блок включены и статьи об изучении творчества Шукшина в средней и высшей школе. Примеры словарных статей третьего блока: библиографическое изучение творчества Шукшина, издание произведений Шукшина, изучение произведений Шукшина, изучение творчества Шукшина в высшей и средней школе, переводы произведений Шукшина, творчество Шукшина за рубежом и др.

Из сказанного ясно, что за пределами словарных статей остаются биографические сведения о В.М. Шукшине, описание его окружения, мемориальной и пропагандистской деятельности музеев и центров Шукшина, вопросы воспроизведения его образа в литературе и искусстве. Не включены также статьи об отдельных исследователях творчества Шукшина. Эти решения определяются прежде всего целевыми установками издания.

Большое значение придается приложению. Сюда входят летопись жизни и творчества В.М. Шукшина, словари диалектизмов и ономастической лексики в произведениях писателя, фрагмент словаря мотивов, символов и образов в прозе Шукшина, ряд указателей (источников произведений Шукшина, перечень основной литературы о творчестве, тематический и алфавитный указатели словарных статей).

Если обратиться к содержательной стороне словаря-справочника, то ее определяет ряд моментов, в сущности, уже рассмотренных в первом и втором разделах статьи. Это, во-первых, уровень разработки проблемы творчества вообще и понимание специфики творческой личности Шукшина, и во-вторых, наличный запас знаний о творчестве Шукшина. Вполне понятно, что разные грани и тексты творчества писателя исследованы неравномерно, с разных позиций. Эта ситуация не могла не сказаться на составе словника и содержании словарных статей, на соотношении так называемых общепризнанных и индивидуально-авторских точек зрения. В-третьих, это современное осмысление феномена литературно-художественного творчества Шукшина на основе разработанной комплексной, филологической методологии исследования его творчества как целостности. Представляется, что такой подход позволит избежать «наивного филологического реализма» и «вольных размышлений и измышлений», оторванных от «живой ткани художественного языка и от структуры художественных произведений», об опасности чего предупреждал еще акад. В.В. Виноградов [1971, с. 30].

Литература

- Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Аннинский Л. Тридцатые – семидесятые. М., 1978.
- Вертлиб Е. Василий Шукшин и русское духовное возрождение. Нью-Йорк, 1990.
- Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Винокур Г.О. Культура языка. М., 1925.
- Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981.
- Воробьева И.А. Ономастический словарь по произведениям В.М. Шукшина // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1989.
- Воробьева И.А. Антропонимы в творческой лаборатории В.М. Шукшина (по материалам ономастического словаря) // Творчество В.М. Шукшина. Проблемы. Поэтика. Стиль. Барнаул, 1991.

- Воробьева И.А. Словарь языка В.М. Шукшина (проект) // Русские говоры Сибири. Лексикография. Томск, 1993.
- Воробьева И.А. Коннотативные и экспрессивные свойства топонимов в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык. Барнаул, 1994.
- Воробьева И.А. Словарь диалектизм в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника. Барнаул, 1997 а.
- Воробьева И.А. Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997 б.
- В.М. Шукшин: Жизнь и творчество. Барнаул, 1989.
- В.М. Шукшин: Жизнь и творчество. Барнаул, 1992.
- В.М. Шукшин: Жизнь и творчество. Барнаул, 1994.
- В.М. Шукшин: Жизнь и творчество. Барнаул, 1997.
- В.М. Шукшин – философ, историк, художник. Барнаул, 1992.
- Гаспаров Б.М. Язык. Память, образ. М., 1996.
- Гивенс Дж. Творчество В.М. Шукшина в Соединенных Штатах Америки // Творчество В.М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык. Барнаул, 1994.
- Горн В.Ф. Характеры Василия Шукшина. Барнаул, 1981.
- Горышкин Г. По тропинкам поля своего. Л., 1984.
- Елисеев Н. Гамбургский счет и партийная литература // Новый мир. 1998. № 1.
- Залыгин С.П. Герой в кирзовых сапогах // Шукшинские чтения. Вып. 2. Барнаул, 1989.
- Качесова И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов и киносценариев В.М. Шукшина: трансформационный аспект: Дисс. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
- Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. Барнаул, 1992.
- Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина как отражение русской культуры 60-70-х годов // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997 а.
- Козлова С.М. Цикл «Внезапные рассказы». К проблеме творческого синтеза // Творчество В.М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стиль. Барнаул, 1997 б.
- Кофанова Е.В. Проблема художественной целостности творчества В.М. Шукшина. Дисс. ...канд. филол. наук. М., 1997.
- Кофанова Е.В., Кощей Л.А., Чувакин А.А. Творчество В.М. Шукшина как функционирующая целостность: проблемы, поиски, решения // Творчество В.М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998.
- Кощей Л.А. Об исследовании философских взглядов В.М. Шукшина по его рассказам (методологический аспект) // В.М. Шукшин – философ, историк, художник. Барнаул, 1992.
- Куляпин А.И. Художественный мир в символах // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999.
- Куляпин А.И., Левашова О.Г. В.М. Шукшин и русская классика. Барнаул, 1998.
- Куляпин А.И., Тевс О.В. «А я скажу: Да, Мода!» (Семиотика одежды в творчестве В.М. Шукшина) // Творчество В.М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998.
- Лотман Ю.М. К современному пониманию текста // Исследования по общему и сопоставительному языкознанию. Linguistika. Тарту, 1986.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М., 1997.
- Пешкова С.Н. Смешанная, языко-ситуативная коммуникация в рассказах

- сценках В.М. Шукшина: Дисс. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
- Пищальникова В.А. Предисловие // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997.
- Провинциальная экзистенция, Барнаул, 1999.
- Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997.
- Рассказ В.М. Шукшина «Срезал»: проблемы анализа, интерпретации, перевода. Барнаул, 1995.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995.
- Скубач О.А. К семантике образа героя-путешественника в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998.
- Старолетов М.Г. Речевая структура образа автора в новеллах В.М. Шукшина: Дисс. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1997.
- Творчество В.М. Шукшина. Проблемы. Поэтика. Стил. Барнаул, 1991.
- Творчество В.М. Шукшина. Поэтика. Стил. Язык. Барнаул, 1994.
- Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Проспект. Барнаул, 1995.
- Творчество В.М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стил. Барнаул, 1997;
- Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника. Барнаул, 1997.
- Творчество В.М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998.
- Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999.
- Тевс О.В. Семиотический аспект моделирования природы и социума в художественном мире В.М. Шукшина: Дисс. ...канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
- Толченова Н. Слово о Шукшине. М., 1982.
- Халина Н.В. Феноменологический анализ текста Василия Шукшина. Барнаул, 1997.
- Чеснокова В.А. О переводе безэквивалентной лексики на румынский язык (на материале произведений В.М. Шукшина) // Язык и стил прозы В.М. Шукшина. Барнаул, 1991.
- Чеснокова В.А. Национально-культурная специфика произведений В.М. Шукшина и ее отражение в переводе (на материале румынского языка) // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997.
- Чеснокова В.А. Семантико-стилистический потенциал прозы В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999.
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвokационного исследования, Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А. Основы эвokационной теории художественной речи: Дисс. в виде науч. докл. ...д-ра филол. наук. Барнаул, 1996.
- Чувакин А.А. О подготовке энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» // Творчество В.М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стил. Барнаул, 1997.
- Чувакин А.А. Некоторые вопросы представления языка В.М. Шукшина в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества // Филология и журналистика в контексте культуры. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 1998.
- Чувакин А.А. Художественно-речевая структура прозы // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999 а.
- Чувакин А.А. Язык В.М. Шукшина в энциклопедическом словаре-справочнике его творчестве // Известия Алтайского государственного университета. № 4 (14). Барнаул, 1999 б.
- Чувакин А.А. Художественно-речевая структура прозы В.М. Шукшина // Провинциальная экзистенция. Барнаул, 1999 в.

- Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – Коммуникация – Текст. Вып. 3. Барнаул, 1999 г.
- Чувакин А.А., Дмитриева Е.Ф., Кайзер Л.Э., Свиридова Г.Ф. Диалог и речь повествователя в рассказах-сценках В.М. Шукшина // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. Барнаул, 1997.
- Шукшин В.М. Вопросы самому себе. М., 1981.
- Шукшин В.М. Киноповести. Повести. Барнаул. 1986.
- Шукшин В.М. Любавины. Роман. Кн. 1. Сельские жители. Ранние рассказы. Барнаул, 1987.
- Шукшин В.М. Любавины. Роман. Кн. 2. Рассказы. Барнаул. 1988.
- Шукшин В.М. Рассказы. Барнаул, 1989.
- Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. Роман. Публицистика. Барнаул, 1991.
- Энциклопедический словарь-справочник «Творчество В.М. Шукшина»: Подготовительные материалы. Барнаул, 1996.
- Язык В.М. Шукшина в наследии профессора И.А. Воробьевой // Актуальные проблемы филологии. Барнаул, 1998.
- Язык и стиль прозы В.М. Шукшина. Барнаул, 1991.
- Ямпольский М.Б. Память Тиресия. М., 1993.